

*Письмо полномочного представителя СССР в Чехословакии
С. С. Александровского народному комиссару иностранных
дел СССР М. М. Литвинову*

Прага

14 февраля 1937 г.

Многоуважаемый Максим Максимович.

Я сообщал Вам по телеграфу о своем намерении потребовать у Крофты объяснений к интервью Годжи с корреспондентом «Морнинг пост»¹. 5 февраля я был у него и заявил в основном следующее.

Без преувеличения, я хорошо разбираюсь в чехословацкой внешней и внутренней политике и поэтому спокойно отношусь к огромному количеству газетных и иных кампаний и выпадов против СССР, против линии Бенеша и Крофты во взаимоотношениях с ним, против пакта о взаимной помощи² и т. д. Моим постоянным стремлением является поддержать такое же ровное и спокойное отношение к этим явлениям, нередко доходящим до эксцессов, и со стороны Москвы. Констатирую, что я всегда нахожу понимание и доброжелательство в Москве, которое всегда носит конкретные формы практического сотрудничества между нашими странами, особенно в деле укрепления европейского мира. Однако последние полгода, если не больше, я переживаю большие затруднения в том смысле, что аграрная кампания в пользу «ревизии» чехословацкой внешней политики все более определенно принимает формы кампании против советско-чехословацкого сближения и за сближение с Германией на основе принятия Чехословакией тех тенденций, которые явно направлены на изоляцию СССР и разрушение основ коллективной безопасности. Не могу скрыть, что упорность этой кампании и поддержка ее со стороны ответственных политических руководителей производят как на меня, так и на Москву тягостное впечатление. Я усматриваю в ней явление, прямо противоречащее линии Бенеша, поощряющее агрессивные настроения в Европе и тем увеличивающее опасности, и без того слишком многочисленные, в Европе. Я бы, может быть, и не давал такой серьезной оценки, если бы не видел, что упомянутая кампания питается прямо из источников, слишком близких к решающей партии коалиции — аграрной. Еще серьезнее следует отнестись к этому явлению, когда член этой аграрной партии премьер-министр Годжа по существу уже открыто вступает на тот же путь. Дальше я довольно резко критиковал интервью Годжи от 2 февраля, приблизительно в духе моего изложения в моем предыдущем письме к Вам³, посланном с этой же почтой.

Крофта был буквально взволнован. Беспokoйно разводил руками и всячески заверял, что это интервью не должно было появиться. Накануне Крофта был у Бенеша, и последний дал прямую директиву не откликаться на речь Гитлера. Но едва Крофта вернулся домой, как узнал о совершившемся факте дачи этого интервью. Повторяю, Крофта прямо с волнением говорил, что Годжа непрерывно портит ему в проведении правильной внешнеполитической линии, но он ничего с этим не может сделать. Дальше Крофта пытался ослабить значение этого интервью, уверяя, что Годжа — «экспрессионист» и дилетант во внешней политике, которому его темперамент постоянно портит. Годжа и сам не предполагал, чтобы это его интервью вызвало кривотолки. Крофта не опровергал моего толкования содержания интервью, но уверял, что

Годжа полностью остается на позиции Бенеша и ему будет неприятно узнать, что он достиг этим интервью результата, который вовсе не входит в его планы. Годжа, дескать, «как и все разумные люди Чехословакии», ни минуты не думает о том, чтобы отказаться от драгоценного для Чехословакии сотрудничества с СССР.

Я прямо сказал Крофте, что этого мне мало. Интервью премьера — это документ. Москва имеет право спросить меня, что значит этот документ, и я не могу ей ответить на это разъяснениями в духе, сделанных Крофтой. Мне всякий скажет, что я не уполномочен своими объяснениями обстановки, традиций и т. п. дезавуировать премьер-министра. Крофта перебил тем, что и он, к сожалению, не имеет права формально дезавуировать премьера, хотя по существу он заверяет меня совершенно серьезно, что это интервью — «экстра-тур» Годжи, не имеющий никакого значения для судеб внешней политики правительства, возглавляемого тем же Годжей.

Тогда я нажал на Крофту по линии поведения чехословацкой печати, и особенно близкой к Бенешу. Я ему продемонстрировал принесенные с собою номера газет с клеветническими выпадами против СССР, с заигрываниями по адресу Германии. Особо отметил поведение «Социал-демократа» и указал на полную безнаказанность клеветнической травли, которую ведет генлейновская печать.

Крофта соглашался и «лично» решительно осуждал все эти явления. Затем, полагая искренне, Крофта в своем обычном откровенном тоне стал рассказывать, как ему приходится бороться в кабинете министров с паническими настроениями по поводу так называемой опасности большевизма. Крофта буквально говорил, что это стало прямо психическим заболеванием. Не только аграриям, но и ремесленникам,* а иногда и некоторым другим везде чудится «большевистская опасность». Например, министр торговли Нейман (ремесленник)* был недавно во Франции и вернулся оттуда в панике, ибо якобы видел собственными глазами, что Франция большевизуется. Испанские события «раздвоили душу» очень многих. Успех фашизма в Испании был бы прямо гибельным для Чехословакии. Поражение же фашизма там почти всем рисуется как торжество большевизма. Поэтому гитлеровская пропаганда находит в Чехословакии благодарную почву и, нужно признать, не остается без влияния. Люди ходят как в бреду, как зачумленные, по словам Крофты. С ними трудно найти общий язык, и отсюда у Крофты происходит бесчисленное множество столкновений и трений, когда он проводит ясную линию, являющуюся линией его и Бенеша. В такой обстановке вполне понятно, что и печать ведет себя временами как оголтелая. В противовес моим претензиям он может указать на то, что те же самые газеты и в то же самое время пишут очень благоприятно об СССР и горой стоят за дальнейшее сближение с ним.

С последней констатацией я должен был согласиться. Особенно «Лидове новины» последнее время чуть не каждый день имеют в одном и том же номере одну ярко антисоветскую статью и тут же другую, советофильскую. Но я считаю подобное поведение недостойным, и оно производит на меня скорее впечатление политики двурушничества, чем чего-нибудь другого. В панику впадать разрешено частным лицам, но не политикам, особенно ответственным за судьбы государства. Если

* Имеются в виду члены Живностенской партии.

объяснение Крофты правильно, то оно все-таки не оправдывает такого поведения.

Крофта безоговорочно соглашался и под конец заявил, что он делает все зависящее от него, чтобы воздействовать на печать. Что же касается Годжи и его интервью, то он постарается, чтобы у меня и в этом направлении не осталось сомнений. В частности, Крофта особенно настаивал на том, что хотя «Венков» и является центральным органом аграрной партии, к которой принадлежит Годжа, но Годжа сам находится в постоянной войне с «Венковым». Отчасти поэтому за последнее время более близкой Годже газетой является его словацкий орган «Словенски денник».

На другой день, 6 февраля, ко мне явился пражский корреспондент этой газеты, «Словенски денник», и просил меня высказаться по поводу сенсационных слухов, распространяемых чехословацкой печатью о положении в СССР. Было совершенно очевидно, что это результат вчерашнего разговора с Крофтой, очевидно, уже доведенного до сведения Годжи. Мои высказывания с редакционным вступлением были помещены на первом месте передней страницы на другой же день, 7 февраля. Перевод прилагаю *.

На другой же день после разговора у Крофты было обычное совещание с внешнеполитическими редакторами газет правительственной коалиции, которое по традиции устраивается министром иностранных дел еженедельно. Мне рассказывали несколько журналистов (Рипка, Сыхрава, Кубка), что Крофта на этом совещании очень энергично набросился на поведение чехословацкой печати по отношению к СССР и называл скандалом и позором то, что чехи клеветуют и травят в берлинском духе лучшую и главную опору мира и своей собственной независимости. Крофта якобы небывалым образом распушил журналистов и рекомендовал переменить тон.

За последние несколько дней, я не берусь еще судить, имеется ли уже перелом, но несколько более спокойный тон некоторых газет, пожалуй, уже можно наблюдать. На завтраке у меня с Фейхтвангером⁴ присутствовали три шеф-редактора крупнейших газет и несколько видных журналистов, в том числе известный Рипка. Этот последний сразу сказал мне, что ему уже досталось от Крофты и мне незачем повторять своих упреков. В оправдание он может сказать лишь то, что его газета не затрагивала СССР как государство, но она не может отказаться от борьбы с большевизмом. Он может принять лишь претензию на то, что иногда эти два понятия все-таки смешиваются. Он будет следить за тем, чтобы этого не случилось.

Как я сообщал телеграфно, 10 февраля я был в опере на «Евгении Онегине», дававшемся по случаю 100-летия со дня смерти Пушкина. В театре был Бенеш. Я ходил к нему в ложу, и здесь он мне, между прочим, сообщил, что Годжа на днях позовет меня для разговора⁵, который рассеет мои сомнения. Таким образом, и это нужно отнести к последствиям моего разговора с Крофтой.

С товарищеским приветом

Полпред СССР в Чехословакии
С. Александровский

*Публикуется по сб.: «Документы
внешней политики СССР», т. XX,
с. 82—85.*

* Не публикуется.

¹ См. док. 191.

² См. док. 65.

³ Имеется в виду письмо С. С. Александровского от 14 февраля 1937 г., в котором, в частности, говорилось: «В ответ на вопрос о военной опасности Годжа даже и не вспомнил об СССР — главной опоре мира в Европе. Германию же он прямо включил в число стран, с которыми может быть достигнуто «гармоническое сочетание» среднеевропейских интересов с интересами Западной Европы. Эта забывчивость Годжи совершенно не случайное явление. Перед нами вполне определенная концепция характера изоляции востока Европы, т. е. СССР, с попыткой опереться на ту из английских тенденций, которая хотела бы считать мир делимым и достичь сближения с Германией за наш счет». В письме отмечалось, что интервью «вызвало неудовольствие в довольно широких чешских кругах. Ему приписывают значение сигнала к переговорам с Германией, если не прямо — результата ведущихся сейчас зондажных переговоров» («Документы внешней политики СССР», т. XX, с. 702—703). См. док. 171, 175, 200, 201, а также «Документы внешней политики СССР», т. XX, с. 62—65.

⁴ Фейхтвангер Л. (1884—1958) — немецкий писатель. После прихода в Германии к власти фашистов эмигрировал во Францию. Участвовал в международном движении в защиту культуры.

⁵ См. док. 195.

*Сообщение газеты «Известия» о лекции профессора З. Неедлы о Советской Украине*¹

Москва

15 февраля 1937 г.

Чехословацкое Общество культурной и экономической связи с СССР организовало в Праге вечер, посвященный Советской Украине. На этом вечере с большим докладом выступил профессор Пражского университета Неедлы, вернувшийся недавно из своей поездки в Киев². Проф. Неедлы подробно рассказал о том огромном подъеме, который наблюдается во всех областях культурной и экономической жизни украинского народа.

«Советскую Украину, — сказал Неедлы, — населяет около 40 млн. человек. Только теперь, при Советской власти, они имеют возможность свободно развиваться и жить так, как это даже никому не снилось при царизме».

Далее проф. Неедлы отметил, что Советская Украина вызывает политический интерес у всего мира, так как захватнические планы германского фашизма направлены в первую очередь против УССР.

«В Советской Украине, — продолжал докладчик, — превосходно понимают, что Чехословакия является мостом к УССР и что атаки германской фашистской пропаганды против Чехословакии не случайны. Поэтому широкие массы украинского народа чрезвычайно интересуются Чехословакией и ее безопасностью».

В связи с этим проф. Неедлы резко осудил запрещение чехословацкой полицией дальнейшей постановки в Чехословакии пьесы украинского писателя Корнейчука «Гибель эскадры». При этом Неедлы указал, что Корнейчук является лучшим другом чехословацкого народа и сторонником сближения СССР с Чехословакией.

«Известия», 1937, 15 февраля.

¹ Лекция З. Неедлы состоялась 10 февраля 1937 г. После нее был показан документальный фильм о Советской Украине («Praha — Moskva», год. 1937, с. 35).

² См. прим. 3 к док. 186.